

УДК 94(470)“1932/1937”

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-133-142

ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЛОЙ СРЕДЫ МОСКВЫ В 1960-е гг. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Горлов В.Н.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается изменение жилой среды в связи с массовым жилищным строительством периода 60-х гг. прошлого века. В статье автор анализирует московский двор как социальное явление, как социальный, пространственный и экологический феномен, зародивший дворовую общность людей. Автор рассматривает московский двор с разных точек зрения: его функций в городе, человеческих отношений и т. п. В статье анализируется серьезный ущерб социальной жизни Москвы в связи с исчезновением московских дворов.

Ключевые слова: Москва, массовое жилищное строительство, микрорайон, социальная среда, общественное поведение, коммунистические отношения в быту.

THE CHANGE OF MOSCOW LIVING ENVIRONMENT IN THE 1960th AS A SOCIOCULTURAL PROBLEM

V. Gorlov

*Moscow State Regional University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article is dedicated to the changes of the living environment in Moscow due to the mass home construction activity in the 60th of the previous century. The article presents the analysis of a Moscow yard as a social phenomenon. This social, spatial and ecological phenomenon gave birth to a domestic community of people. The author considers a Moscow yard from the different points of view: its functions in the city, human relations, etc. The article analyses the serious damage to social life of Moscow in connection with disappearance of Moscow yards.

Key words: Moscow, mass home construction activity, microdistrict, social environment, public conduct, communist relations in private life.

В истории очень большую роль играли бытовая повседневность, формы обыденного поведения. Они проливают свет на общеизвестные социальные макропроцессы. Так, значительную роль в русском менталитете прошлого играла община. Русский человек не принимал жизни вне общины и даже в своей родной семье хотел видеть общину, товарищество. В общине формировались коллективные поведенческие стереотипы, традиционные черты характера русского че-

ловека: стремление к социальной справедливости, приоритет общих интересов над индивидуальными, потребность в сильной власти. Русские люди веками проживали в общине, потом в колхозе, в коммунальной квартире, в трудовом коллективе.

Профессор Гардварского университета Андрей Дроздин отмечал: «Русские люди отличаются от американских прежде всего контактностью. В русском человеке неистребима потребность побухтеть – пообщаться, всё делать гуртом, колхозом, общиной. Вероятно, это одна из причин, что в России проскочила идея построения коммунизма» [6]. Советская власть усилила коллективистское сознание. Советский человек мог отказаться от друзей, не заводить семью, но он не мог спрятаться от соседей, с которыми его связывала общая кухня, общий туалет, ванна, общий двор, общий подъезд. Социальная направленность на коллективизм оказывала влияние на формирование других моральных установок, приверженность к соответствующим идейным убеждениям. Парадоксально было то, что с получением отдельной квартиры многие москвичи вздыхали о коммунальных квартирах, где люди жили в тесноте, в неудобствах, но менее отчужденно. Несмотря на то, что удобств стало больше, уюта стало, по их мнению, меньше.

Рассредоточение населения по огромной территории Москвы сыграло очень большую роль в судьбе московского двора. Москва разрасталась в немыслимых размерах, разрывая прежние дворовые узы. В довоенной Москве, живя в компактной застройке, москвичи постоянно получали дозу

оптимизма от постоянного общения со своими соседями, были соучастниками праздников или бед. В социальной системе действовали универсальные гуманные принципы: ответственность за коллектив, за окружающих. Это воспитывалось в детском саду, в школе. Это прочно утвердилось в психике большинства советских людей. Эта социальность поведения стала постепенно утрачиваться москвичами при переезде из коммуналки в отдельные квартиры. Изменялось общественное поведение москвичей.

В сложившейся застройке каждый дом, двор имели свое неповторимое лицо, несли на себе печать времени. Чем же отличалась современная свободная планировка новых районов в 60-е гг. от жилой среды довоенной и послевоенной застройки? Этот вопрос содержит, помимо архитектурных и исторических, социально-бытовые, психологические, демографические аспекты. В старых дворах Москвы происходило общение жителей прилегающих зданий, зеленые уголки дворов роднили с природой. Придомовая территория считалась социально безопасной зоной, полноценным жилым пространством, так как жители в той или иной степени были известны, поэтому возможно было прогнозирование поведения друг друга и осуществление социального контроля. Такая жилая среда воспитывала чувство коллективизма, спланировала людей. В новых дворах отсутствие всего этого резко снижало ценность придомовой территории. Отсутствие озелененных детских площадок двора не компенсировалось никакими элементами обслуживания, что отражалось на социализации детей.

Московские власти в 60-е гг. искренне считали, что и при отдельных квартирах общение граждан по месту жительства будет развиваться благодаря организации комплексных микрорайонов. Власти хотели шире привлекать население к управлению жилищным хозяйством, создавая домовые комитеты и общественные комиссии, следящие за соблюдением порядка и правил общежития. Жители работали бы вместе по улучшению санитарного состояния домов, играли бы в спортивные игры, а после работы вечером в общественном центре микрорайона устраивали бы концерты или ходили бы на лекции. В результате появился бы ещё один коллектив помимо работы и семьи – коллектив по месту жительства.

Послевоенную соседскую общность попытались поддержать в начале 60-х гг. посредством различных жэковских мероприятий. Общественную деятельность в микрорайоне стали организовывать при жилищно-эксплуатационных конторах. В 1961 г. при ЖЭКах в Москве открылось 447 клуба и красных уголков, в 1964 г. их число достигло 941 [2, с. 79]. При ЖЭКах создавались домовые комитеты, народные дружины, депутатские комиссии, добровольные общества, технические советы и т.п. В красных уголках детей учили петь, танцевать, создавались кружки самодеятельности. Также стали создаваться товарищеские суды, состоящие из жильцов, которые наказывали за систематические нарушения порядка в коммунальных квартирах, разрешали споры, возникающие в доме. Они создавались на основании Положений от 1961 и 1964 гг. всюду, где были коллективы численностью боль-

ше 50 человек. Судили за действия, которые не тянули на уголовную статью, но противоречили Кодексу строителя коммунизма. Они могли штрафовать, требовать лишения квартиры, увольнения с работы. Домкомы, выслушав жалобы, принимали соответствующие меры, регулярно собирались для обсуждения работы коммунального хозяйства, для чего существовали группы народного контроля из наиболее сознательных рабочих и пенсионеров. В июне 1963 г. в парке Горького прошел первый слёт участников соревнования за коммунистическое отношение в быту¹.

Московские власти в 60-е гг. старались создать в микрорайонах различные органы самоуправления (территориальная депутатская группа, женсоветы, советы домов). Первый секретарь МК КПСС В.В. Гришин отчитывался на Всесоюзной научно-практической конференции 2 декабря 1977 г.: «В Москве свыше 60 тысяч советов домов и подъездов. Органы самоуправления по месту жительства объединяют сотни тысяч людей. Созданы районные культурно-спортивные комплексы, объединяющие работу клубов, спортивных сооружений и библиотек независимо от их ведомственной принадлежности» [1, с. 448]. Однако и эти действия не помогали. Многие жители даже не знали о существовании этих органов. Вряд ли кто из москвичей обращал внимания на эти речи.

В действиях московских властей всё было логично. Но круг знакомых граждан, живущих в отдельных квартирах, обычно ограничивался сосе-

¹ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф.4. Оп. 131. Д. 21. Л. 28.

дями по лестничной площадке. Мечты о микрорайонных коллективах не осуществились: старушки, сидящие у подъездов, не в счет. В чем же состоял просчет властей? Социологическую ошибку допустили в бюджете свободного времени. Трудовые перемещения из новых микрорайонов и обратно составляли большие затраты времени, что явилось главным тормозом совершенствования непроизводительной сферы образа жизни москвичей. Для деятельности в «микрорайонном коллективе» времени практически не оставалось. Время в выходные дни тратилось на посещение кинотеатров, на загородный отдых, на хозяйственные дела. Участвовать в коллективных микрорайонных мероприятиях было некогда. Сказывался и недостаток микрорайонных культурных учреждений и спортплощадок. Постепенно ограниченность общения привела к замкнутости москвичей, которые почти не знали соседей по дому. В последующие десятилетия все больше повышался уровень образованности, благосостояния, расширялся круг интересов граждан. Это неизбежно приводило к постепенному изживанию института соседства.

В 1960-70-е гг. в результате массового жилищного строительства характер и тип проживания населения значительно изменился. Большая часть населения переселилась в панельные дома без акцентирования внимания на комфортность жилой среды. На смену традиционному двору пришли «ничьи» пространства, лишенные социально важных характеристик двора как коллективного организатора общения, свободного времени жителей, как коллективного помощника и воспитателя.

Постоянно говорилось в средствах массовой информации о недостаточном развитии массовой физкультуры и спорта в новых микрорайонах, не задумываясь о роли старой застройки в вовлечении детворы в спорт. И сама материальная база (как и многое другое) раньше во дворе создавалась коллективным трудом: дворовый футбол был и катки были. Бывший игрок сборной СССР по футболу В. Никонов с горечью писал: «Катки позакрывались, раньше все умели на коньках кататься и в футбол играть. Ничего во дворы не вернётся, и радиолы не будут вытаскивать, и танцевать под них. Больше не будет во дворах этого...» [4].

Массовое жилищное строительство 60-х гг. окончательно вытеснило дворовую общность москвичей. Двор, как структурная единица городской среды, исчез. Вместо него образовались непрерывные придомовые пространства, охватывающие всю территорию микрорайона. Коммунальный двор как место общения и досуга был уничтожен свободной планировкой жилых зданий. В результате придомовая территория утратила четкие границы, приобрела анонимный характер, а огромный её масштаб затруднял контроль жителей на ней. Эта среда была лишена функционального и культурного потенциала, поэтому не могла стать полноценной городской средой. Изменения архитектурно-пространственной среды жилой застройки отражали и изменения образа жизни москвичей. Постоянный контроль и знание всех обо всём, вынужденность контактов в послевоенных московских дворах сменились попытками оградить себя от излишних контактов и сохранить известную степень аноним-

ности.

Раньше общение и контакты по месту жительства были единственно приемлемыми формами межличностных коммуникаций. Свободная планировка жилых зданий ориентировала жителей на индивидуальную семейно-бытовую деятельность, индивидуальный досуг. Практически отсутствовали помещения для совместной деятельности жителей, места для общения пенсионеров и детей. Выводились все материально-пространственные предпосылки, способные воспроизводить коллективистские отношения, создавать воспитательную среду жизнедеятельности. Жители потеряли объект преобразовательной деятельности. Новая жилая среда формировала другой образ жизни. Принцип организации микрорайонов привел к их социальной неполноценности, так как искусственно сузил сферы общения, разделил социальные контакты.

Власти пытались что-то делать. Пленум ЦК КПСС в июне 1983 г. призывал «повысить роль культурно-просветительных учреждений в организации досуга трудящихся» [3]. Власти стремились к постоянной работе с населением рядом с домами. Однако отсутствовали те архитектурные сооружения, которые могли бы обеспечить потребность различных демографических групп в досуге. Послевоенные здания, дворы создавали ощущение законченного и своеобразного архитектурного целого. Их сменили микрорайоны, которые такого ощущения чаще всего не вызывали. Они представлялись случайным скоплением домов и как две капли воды были похожи на соседние. Жилая среда утрачивала внутреннюю структуру простран-

ственной организации. Увлечение свободной застройкой давало ряд микроклиматических и функциональных преимуществ, но лишало жителей чувства «своего» пространства.

Рост дворов поначалу архитекторами воспринимался как положительное явление в противовес затесненным дворам старой застройки. Однако это вылилось в другую крайность – гипертрофию жилых дворов. Изменялись масштабы зданий, ограничивающих двор, условия инсоляции, интенсивность использования территорий. Менялся и сам стиль жизни горожан. Однако приемы благоустройства и озеленения остались прежними. Эта картина усугублялась бедностью малых архитектурных форм. Постепенно дворы теряли социальную значимость. Из дворов общения создавались дворы отчуждения. В периферийных районах для пенсионеров, подростков, молодых семей с маленькими детьми вопросы транспортной доступности были серьезным препятствием в реализации социально-культурных потребностей. Общение позволило бы им разрешать возникающие кризисные явления (проблемы социализации у подростков, проблемы исключения из производственного процесса у пенсионеров).

Массовое жилищное строительство не могло формировать замкнутые дворовые пространства. Высокая этажность современных микрорайонов способствовала большому разрывам между домами, несоразмерной человеку жилой среды. Дворовые пространства стали вмещать обширные участки детских учреждений и достигли огромных размеров (3-4 гектара). Это уже были не дворы, а некое сво-

бодно перетекающее пространство. В архитектуре исчез стиль советского образа жизни, дух братства и теплоты. Типовые дома и типовые города рождали людей с типовым мышлением. Высокая этажность привела к целому ряду разнообразных проблем – градостроительных, функциональных, эстетических, социальных и др. И решить их было сложно, так как господствовал строительный конвейер. Искусство архитектуры стало подменяться строительным производством. Даже наличие специализированных площадок, как для взрослых, так и для детей, ещё не гарантировало возникновение контактов среди жителей, так как исчез социальный эффект двора – ощущение защищенности, пространство перестало быть осязаемым для жителя, к тому же население такого двора становилось огромным. Существование игровой площадки во дворе выдавалось как самодостаточный показатель комфортности двора в целом. Схематизм жилой застройки привел к исчезновению среды для общения.

К середине 60-х гг. современная архитектура со свободной расстановкой зданий покончила с двором. До этого во всех дворах территории были обнесены штакетником. Весной 1966 г. Моссовет вынес постановление: снести все заборы как пережиток частной собственности. Городская власть решила сделать дворы абсолютно свободными. С этого времени жизнь дворов закончилась. Композиционные приемы 60-х гг. уничтожили двор в традиционном смысле. Обширные внутриквартальные территории часто становились ничейными и оставались неосвоенными, не формируя устойчивой привязанности жителей к конкрет-

ному месту, где они живут. А без этой привязанности терялся фундамент, на котором вырастала любовь к Родине и чувство долга. Удовлетворяя потребности в красоте окружающей среды, власти решали важную политическую и социальную задачу общества. Живя в гармоничном окружении, граждане чувствовали себя «как дома», а это, в свою очередь, рождало социальную удовлетворенность.

Уютные дворы, где в детстве играли в дочки-матери и в казаков-разбойников, были для многих москвичей самыми яркими впечатлениями детства. Поколение семидесятых выросло уже на других дворовых пейзажах с покосившимися песочницами и ржавыми качелями. Понятие двора, понятие общности исчезло. Несовершенство организации условий для общения семей по месту жительства привело к утрате духа московского двора. Многие некогда опоэтизированные московские дворы стали беспризорными. Победили стандартный подход, типовые разработки, утилитаризм. Благоустройство дворов теперь делалось «для галочки» и не согласовывались с дворовой общественностью. Жители все более становились равнодушными к тому, что происходило в ближайшей среде обитания. Гулять детям становилось негде. Никакого желания играть в убогих, полуразрушенных детских площадках у детей не было, отчего они страдали, так как игра для них была не только отдыхом, но и первой школой жизни, общения, в которой вырабатывался характер.

Массовое жилищное строительство осуществлялось по отвлеченным от реальной жизнедеятельности нормам застройки, которые способствовали

процессу разобщенности жителей. Утрата двора и дворовой общности жителей принесла результаты более глубокие, чем казалось. Была потеряна контролируемая среда, способствующая реально осязаемой связи поколений, учившей детей самым общим законам жизни. Антитезой коммунального двора стал микрорайон, который не стал естественным микромиром для его жителей.

Следует отметить тесное взаимодействие социально-культурных и психологических факторов, взаимодействие поведения жителей с архитектурным и социальным окружением. Вопрос о взаимосвязи среды и поведения возник в результате нежелательных последствий, оказываемых средой на человека (психические заболевания, неврозы, неустойчивые семейные отношения). Чрезмерное увеличение коммуникационных и рекреационных пространств, не имеющих четкой идентификации и персонализации, приводило к их деградации и криминальности. Снижение социального контроля по месту жительства способствовало росту детской безнадзорности, преступности несовершеннолетних. Пребывание человека среди прямых линий и углов делало его раздражительным и агрессивным. Поэтому москвичи по возможности стремились поскорее выехать из города с его навязчивыми прямыми углами и гладкими бетонными стенами.

Никакие службы быта, ЖЭКи и ДЭЗы не могли поддерживать комфорт, уют, порядок жилых территорий, если сами жители не ощущали эти территории «своими». Безвозвратно исчезли акации и газоны. Унылость дворов не вызывала у детей особого энтузиаз-

ма. У обычного жителя не было никакой возможности выстроить для себя иное, гармоничное пространство. И он начинал агрессивно сопротивляться окружающей среде. Архитектура жилья воздействовала на человека значительно сильнее, чем искусство, так как от неё некуда было деться. Эстетическая беспомощность разрушительно действовала на психологический климат. Исчезли игры с правилами, снизилась способность детей к контактам, в поведении наблюдалось всё больше агрессивности. Одной из главных проблем в крупнопанельных микрорайонах стала преступность. Подросткам некуда было деть свое свободное время. Эти особенности поведения подростков отразили в своих произведениях А. Алексин, Ю. Нагибин, Г. Остер и др. Городские власти не додумались разместить в первых этажах зданий не только ЖЭКи, но и помещения для клубных занятий. По утверждениям психологов, дети, выросшие в чистом доме, обустроенном дворе воспринимали мир на протяжении жизни гораздо позитивнее, чем дети, выросшие в грязной и разрушенной среде.

При массовом жилищном строительстве остался без внимания положительный социальный опыт двора. Любимый всеми поколениями москвичей двор, неперемный член семейства большинства жителей, перестал быть функционально необходим. Москвичи ностальгировали по былой живописности московских дворов, так как был утрачен комфорт проживания в городских условиях (связь с природой, зеленью и т.д.). Теперь придомовая территория воспринималась жителями как отчужденный от жизни и интересов элемент внешней среды. Сама

организация жизни подвела к исчезновению московских дворов. В отдельных квартирах образ жизни менялся. Те хозяйственно-бытовые процессы, которые прежде осуществлялись во дворе, теперь переносились в жилые помещения, расширяя функции жилища. Расселив коммунальные квартиры, власти существенно изменили характер сообществ по месту жительства. Москвичи в районах новостроек меняли не только привычное окружение, но и длительно формировавшиеся связи с соседями. Повышение качества жилья вело к разрыву привычных связей. Совместить экономическую модернизацию с устоявшимися социокультурными ориентациями и ценностями не удавалось.

Соседские отношения в новых многоэтажных микрорайонах складывались в иных формах и гораздо медленнее в силу отсутствия объективных условий для их развития. Безличность общения всё больше становилась свойственно москвичам. Тесные соседские связи москвичей, характерные вплоть до начала 60-х гг., были последовательно ослаблены массовыми переселениями. Бывшие соседи некоторое время поддерживали межличностные отношения, но через несколько лет и эти связи практически исчезали. На первый план выдвигались деловые, избирательные отношения. Преобладала тенденция к сокращению объема соседских связей. Постепенно изменялся стиль жизни московских семей, утверждалась норма социально-психологической закрытости семьи.

Непрерывно падал удельный вес соседского общения в силу особенностей расселения. На характер соседских взаимоотношений оказывала влияние

высота дома и этаж проживания. Проживающие на больших этажах меньше проводили времени во дворе дома, уменьшались формы общественной активности во дворе. Не сложились условия для развития отношений по месту жительства. Жители действительно перестали общаться, и наше советское общество все больше разъединялось. Некоммуникабельность стремительно завладевала душами москвичей. Молодое поколение росло и воспитывалось в подобной обстановке.

К концу 60-х гг. был характерен уход в частную жизнь. В своей квартире горожанин мог вернуться в сферу своей личной жизни. Главным местом проведения досуга москвичей служили квартира и общегородские зоны отдыха, минуя район проживания. У большинства москвичей место работы находилось на значительном расстоянии от дома, в силу этого вечер после работы уходил на приготовление пищи и просмотр телепередач. К дифференциации социальных связей привело и развитие системы транспортных коммуникаций. На прекращение коллективных форм досуга влияло также и разное социальное положение москвичей. К этому надо добавить проблему некомплексности застройки многих микрорайонов, когда не хватало школ, яслей, магазинов, что отнимало у москвичей много свободного времени.

Дворовое общение было своеобразным московским шармом, которое способствовало снятию стрессовых состояний, способствовало атмосфере общинности, доброжелательности. Артист Сергей Юрский с ностальгией вспоминал: «Для меня прелесть двориков московских несомненна. Уже почти невозможно общение, оно исче-

зает, его нет и если я страдаю: где же дворик, ведь во дворике должны дети играть, то думаю, они меня не поймут и скажут: зачем нам дворик, мы в ночной клуб на дискотеку ходим...» [5]. Массовое жилищное строительство привело к замкнутости и отчужденности, дворовое единство растворилось, поскольку новая архитектура разрушила дворы – эту особую московскую общность. Общение во дворах стало «уходящей натурой». Развитие средств массовых коммуникаций, в особенности телевидения, изменили соотношение массовых и индивидуальных форм досуга в пользу последних, существенно повысив социальную роль жилища. Квартира превращалась в своеобразный полюс деятельности в сфере досуга. Москвичи становились менее социально активными, что приводило к равнодушию к своему двору, к своему дому.

Массовое жилищное строительство 50-60-х гг. привело к изолированности москвичей, к прекращению соседских связей. Отношения людей между собой стали все более абстрактными, и исчезновение дворов сыграло в этом далеко не последнюю роль. Нельзя не заметить отсутствия в Москве зон общения и досуга, функции которых выполнял московский двор. Конфликтные ситуации в обществе вызваны не только просчетами в политике и экономике, но и вызваны качеством условий существования граждан, распадом системы поддержания жилой среды. Вакуум, который возник с исчезновением двора, не восполним никакими другими типами городских пространств. Москвичи испытывают дефицит в устойчивых привязанностях к своему месту жительства. Социальной жизни Москвы исчезновение дворов нанесло серьезный ущерб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришин В.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1979. 654 с.
2. Жилой район и микрорайон. М.: Стройиздат, 1965. 376 с.
3. Лебедев Ю. Архитектура жилых кварталов // Строительство и архитектура Москвы. 1984. № 12. С. 3-5.
4. Московская правда. 2001. 23 окт.
5. Московский комсомолец. 2001. 30 авг.
6. Московский комсомолец. 2004. 19 март.

REFERENCES

1. Grishin V.V. Izbrannye rechi i stat'i [Selected Speeches and Articles]. M., Politizdat, 1979. 654 p.
2. Zhiloi raion i mikroraion [Residential Area and Neighborhood]. M., Stroizdat, 1965. 376 p.
3. Lebedev YU. Arkhitektura zhilykh kvartalov [The Architecture of the Residential Neighborhoods] // Stroitel'stvo i arkhitektura Moskvy. 1984. no. 12. pp. 3-5.
4. Moskovskaya pravda. 2001 [Moskovskaya Pravda. 2001]. Oct.
5. Moskovskii komsomolets, 2001, 30 Aug.
6. Moskovskii komsomolets, 2004, 19 March.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov, Vladimir N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow State Regional University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Горлов В.Н. Изменение жилой среды Москвы в 1960-е гг. как социокультурная проблема // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 133-142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-133-142

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Gorlov. The change of Moscow living environment in the 1960th as a sociocultural problem // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 133-142.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-133-142